

=====
===

ГЛАВА 1

=====
===

Впервые увидев его, я ощутил странную призрачность бытия, будто нас разделяли не метры, а целые жизни.

Словно нищий встретил принца.

Словно копеечный фруктовый лед коснулся изысканного «Хаген-Дас».

Словно крохотный ручей издалека узрел безбрежную лазурь океана.

— 1 сентября 2004 года

— Сяо Линь, не возись ты так, иди скорее. Опоздаешь на автобус — не успеешь к регистрации.

В дверях тесной кухни замер бледный, изнуренный силуэт. Она казалась совсем хрупкой в своей простой одежде. Ее когда-то иссиня-черные волосы теперь подернулись пеплом седины и в утренних сумерках выглядели такими же тусклыми и старыми, как и весь этот обветшалый дом.

Трудно было поверить, глядя на нее, что перед вами мать пятнадцатилетнего подростка. В ее взгляде застыла безнадежность человека, чье время давно истекло.

Много лет назад она была другой: нежной, ясноглазой, с улыбкой, цветущей подобно летнему саду. Ее тонкие пальцы порхали над клавишами пианино, создавая музыку, похожую на ожившие картины. Но жизнь редко созидает — куда охотнее она разрушает.

И стоящий у плиты юноша знал это лучше, чем кто-либо другой.

Линь Илинь был худ, но держался прямо, точно молодой бамбук. Услышав голос матери, он обернулся и мягко улыбнулся. Он прищурился, и его миндалевидные глаза стали похожи на два полумесяца. В этой покладистой улыбке он привык прятать железное упорство, которое редко встретишь в его возрасте.

— Да, мам, я помню. Ты только поешь сначала. Теперь я не смогу часто возвращаться и

приглядывать за тобой, так что береги себя.

Он аккуратно расставил дешевую, но вымытую до блеска посуду и вытер руки о фартук.

Мать кивнула. Эмоции давно покинули ее лицо, голос звучал бесцветно:

— Звони почаще. И надень форму перед выходом. В школе учись прилежно, ты меня слышишь?

— Слышу. Не волнуйся.

Глядя на то, как черты сына с каждым годом становятся все благороднее и четче, она тяжело вздохнула:

— Нет на свете ребенка послушнее, чем мой Сяо Линь...

Она ушла в комнату, а юноша еще долго вежливо и чуть грустно улыбался.

В старом квартале на окраине Пекина имя Линь Илинь было синонимом совершенства. «Идеальный ребенок», «сын маминой подруги» в его запредельном воплощении. Его отец рано ушел из жизни, после чего у матери — учительницы музыки — начались проблемы с психикой. Срывы во время уроков стоили ей работы, и долгие годы семья перебивалась на пособия.

Как водится, друзья и родственники исчезли вместе с достатком. Но Линь Илинь не опустил руки. С самой начальной школы он не позволял себе ни минуты слабости: блестяще учился, вел все хозяйство и трогательно заботился о матери. Чистый, начитанный, с безупречными манерами — соседи в нем души не чаяли.

Удача улыбнулась ему заслуженно: Линь Илинь сдал экзамены с невероятным баллом, заняв первое место в городе, и получил бесплатное место в знаменитой Средней школе Яли. В его безликой средней школе красные транспаранты развесили на три квартала — все говорили, что он вытянул счастливый билет в безбедное будущее.

И только сам Линь Илинь понимал: за этим билетом скрывается страх. Оставлять больную мать одну и в одиночку прогрызать путь в ослепительном мегаполисе — задача, от которой веяло холодом и терновыми зарослями.

Он не был похож на других. У него не было защиты, не было права на ошибку. Только руины дома за спиной. А значит, он должен быть идеальнее, сильнее и тверже всех прочих, чтобы достичь того «Рима», в котором его одноклассники родились по праву крови.

***

На междугородний автобус он успел в последнюю минуту. Устроив багаж в хвосте, Линь Илинъ дождался, пока машина тронется, и достал из рюкзака старенький кассетный плеер Sony Walkman.

Это был приз за победу в олимпиаде по английскому в седьмом классе. Даже тогда он стоил копейки, а сейчас и вовсе казался музейным экспонатом. Но Линь Илинъ дорожил им. Плеер был его единственным спасением — способом нажать на паузу в реальности, когда нервы натягивались до звона.

Стоило автобусу выехать на шоссе, как мужчина на переднем сиденье, игнорируя протесты кондуктора, закурил. Воздух в салоне тут же стал тяжелым и сизым.

«Чем глубже провинция, тем меньше правил», — с тихим вздохом подумал Линь Илинъ и нажал на кнопку воспроизведения. Раздался отчетливый щелчок.

Вкус первого куска торта...

Утешение от первой игрушки...

Солнце встает,

Солнце садится,

Мороженое плачет...

Он любил Ван Фэй. Обожал ее божественную гордость на сцене, безупречный голос и взгляд, чистый, как горное озеро. Она жила в мире, где ей не было дела до чужого шума.

У нее было всё, чего не было у него.

***

Средняя школа Яли была школой с историей. Основанная еще до образования КНР, она славилась своим процентом поступающих в лучшие вузы и колоссальными масштабами. Но помимо гениев, она притягивала и «золотую молодежь» — детей влиятельных родителей, превращаясь в причудливый коктейль из социальных слоев.

Линь Илинъ не питал иллюзий. Он четко знал, чего хочет и на какие компромиссы придется пойти. Его внутренний мир был выстроен на холодном рассудке, поэтому, даже стоя перед величественными воротами школы, он не чувствовал того восторга, который должен был испытывать провинциальный мальчишка.

Подхватив скромную сумку, он проскользнул мимо дорогих иномарок и суетящихся родителей. Класс нашелся быстро — в центральном учебном корпусе.

Здание сияло новизной: полы из светло-красного мрамора, белоснежная европейская мебель. Линь Илинь заглянул в узкое окошко двери и вежливо постучал.

— Войдите! — ответил неожиданно молодой мужской голос.

Линь Илинь толкнул дверь. За первой партой сидел мужчина лет тридцати с небольшим. На нем была чистая полосатая рубашка, на переносице поблескивали очки в тонкой оправе. Учитель выглядел скорее как звезда корейского сериала, чем как строгий педагог с рекламных плакатов.

— Здравствуйте, учитель. Я пришел на регистрацию.

Он на мгновение замер, пораженный его внешностью, но тут же взял себя в руки и протянул уведомление о зачислении.

— А, это ты! — мужчина взглянул на имя и просиял. — Отличные баллы. В моем классе придется постараться, чтобы удержать планку. Линь Илинь, верно? Подпиши здесь и можешь идти в общежитие.

— Учитель, у меня вещей совсем немного, — он поправил аккуратно подстриженные волосы. — Позвольте мне остаться и помочь с уборкой класса. Чтобы ребятам было приятнее заходить, когда все соберутся.

— Не будь таким официальным. Меня зовут Сяо Янь, вне уроков можешь звать просто по имени, — мужчина снова улыбнулся, поправляя очки. — Убираться не к спеху. Слушай, у тебя отличный почерк. Поможешь мне с регистрацией? Мне нужно отлучиться по делам.

— Эм... Хорошо.

Юноша принял бланки и проводил Сяо Яня взглядом. Городские учителя — совсем другой уровень. Шик в каждой детали. Он невольно вспомнил дорогие часы на запястье Сяо Яня и ощутил странный укол: смесь тоски и стремления.

В детстве, когда отец был жив, он не знал нужды. Но теперь... Его внимание к предметам роскоши было не жадностью, а жаждой безопасности. Ему казалось, что обладание такими красивыми, дорогими вещами автоматически делает жизнь стабильной и защищенной.

Юноша еще не понимал, что истинная роскошь не имеет цены. А безопасность не имеет ничего общего с тем, что можно потрогать руками.

***

Время шло, учеников было немного. Спустя полчаса дверь распахнулась. Сяо Янь вернулся, но не один — его окружала шумная толпа элегантно одетых мужчин и женщин. Воздух в классе мгновенно пропитался запахом дорогого парфюма.

— Это основной учебный класс. Компьютеры, проекторы, кондиционеры, индивидуальные шкафчики... Дизайн интерьера разработан экспертами, чтобы обзор доски был идеальным с любой точки, — неторопливо пояснял Сяо Янь. Затем он указал на застывшего в стороне Линь Илия: — А вот и наш лучший ученик в Пекине по результатам экзаменов. К счастью, он попал именно в мой класс. Подойди, это представители родительского совета.

«То есть те самые богачи, чьи дети не тянут учебу, и им приходится спонсировать школу», — холодно подумал Линь Илия, но дружелюбно и открыто улыбнулся:

— Здравствуйте, господа.

Правильные черты лица, безупречные манеры, кроткий взгляд — идеальный образ «хорошего мальчика», который так любят взрослые.

— Какой славный ребенок, — высокомерная женщина во главе группы встряхнула рукой с бриллиантовым браслетом. — Куда лучше моего Чэнь Лу. Пусть приглядывает за этим оболтусом, если тот научится у него хоть малости, я буду довольна.

Сяо Янь ответил сдержанно:

— Разумеется. Не беспокойтесь, раз Чэнь Лу переступил порог Средней школы Яли, я беру ответственность за его будущее.

— Главное, чтобы он не натворил дел. Смотрите за ним в оба, — усмехнулась женщина.

Линь Илия смотрел на ее лицо — ослепительно красивое, отчаянно сопротивляющееся возрасту — и невольно вспомнил свою увядшую мать. В груди болезненно сжалось. Резкий контраст их жизней всегда заставлял его одновременно завидовать этим людям и презирать их. Если кто-то скажет, что Бог справедлив, Линь Илия рассмеется ему в лицо.

Но вслух он произнес совсем другое:

— Сестра, ваш младший брат — мой одноклассник?

Красавица на мгновение лишилась дара речи, а затем заливисто рассмеялась:

— Ну и мальчишка... Чэнь Лу — мой сын. Он будет учиться с тобой в одном классе.

Линь Илинь продолжал улыбаться:

— Но вы выглядите такой молодой.

Стоящие рядом мужчины и женщины довольно загудели. Мужчина в строгом костюме хохотнул:

— Директор Янь, вы вечно говорите, что я лгу, но дети-то врать не умеют!

Женщина со смехом отмахнулась и снова окинула Линь Илиня взглядом. Западная школьная форма сидела на нем идеально, придавая ему вид юного аристократа. Это настолько подкупило ее, что она решила продолжить разговор:

— Я слышала о тебе. Фамилия... Линь?

— Меня зовут Линь Илинь.

— Хм, хорошо. Если бы мой сын был хоть в половину таким послушным, у меня бы голова не болела. Учитель Сяо, Чэнь Лу — настоящий демон, спускайте с него шкуру, если потребуется, — она на мгновение задумалась. — Знаете, Линь Илинь кажется очень прилежным. Почему бы не поселить их в одной комнате? Пусть присматривает за моим сорванцом.

— Что ж, пусть будет так... — Сяо Янь во второй раз произнес это уклончивое «пусть», бросив на него задумчивый взгляд.

Похоже, сын этой женщины был той еще головной болью, да и семейка там была непростая. Линь Илинь продолжал вежливо улыбаться. Он знал: никто не может устоять перед искренней и чистой улыбкой.

***

Помог Сяо Яню с бумагами и вместе с парой подошедших парней прибрал класс. За это время он успел познакомиться с новыми ребятами и услышать кучу сплетен об этом самом Чэнь Лу.

Говорили разное, но суть сводилась к одному: его мать — строительный магнат с бизнесом за границей, семья баснословно богата, а сам парень — редкий красавец и невыносимый капризный принц.

Впрочем, он не особо беспокоился. Богатые люди, на его взгляд, были существами простыми,

куда более прямолинейными, чем бедняки. А дружба с «особенным» одноклассником сулила куда больше выгод, чем проблем. В этих мыслях не было ничего грязного. Просто такова жизнь.

Однако, когда он в тот день открыл дверь своей комнаты, он всё же замер.

Он ожидал увидеть «принца», капризного сорванца, не желающего носить форму. Но он совершенно не ожидал, что Чэнь Лу окажется метисом.

Невероятно высокий для своего возраста, в безупречной белой футболке и дорогих джинсах, он выглядел в этой тесноватой комнате как божество, спустившееся с небес. Высокая переносица, ясные глаза с глубоким темно-синим отливом, кожа чистая, точно матовый фарфор, и каштановые волосы... Весь его облик казался нереальным, словно сошедшим с полотна.

Безупречен.

Чэнь Лу стоял у стола, лениво перелистывая какую-то книгу. Заметив застывшего на пороге Линь Илия, он моргнул и, словно прочитав его мысли, небрежно бросил:

— У меня отец — француз. Красавчик, если не понял. Чего уставился? Иностранцев не видел, деревня?

Безупречный мандарин с едва уловимым пекинским акцентом. Голос чистый, глубокий и пугающе приятный. Илия даже подумал, не потратил ли Бог все лучшие материалы Вселенной на создание этого одного человека.

Он не обиделся на грубость в первом же предложении. Напротив, он улыбнулся:

— Ты Чэнь Лу? Привет. Я Линь Илия. С сегодняшнего дня мы живем вместе, так что... надеюсь, мы поладим.

Чэнь Лу снова моргнул, разжал пальцы, и учебник с глухим стуком упал на стол. Он просто проигнорировал его.

Он, не подав виду, прошел к своему столу, аккуратно разложил свои немногочисленные вещи, взял веник и принялся собирать разбросанные по полу пакеты от брендовой одежды.

— Любишь работать? Ну, тогда и мой стол прихвати, — донеслось со спины. Чэнь Лу явно не собирался церемониться.

— Хорошо, сейчас, — отозвался юноша.

Чэнь Лу со странным выражением лица оглядел его идеально отутюженную рубашку и школьные брюки.

— Жара на улице. Тебе в этом тряпье не тошно?

— В уведомлении сказано, что форма обязательна. Учителя будут недовольны, если мы нарушим правила, — спокойно ответил он.

Чэнь Лу, для которого слово «правила» было пустым звуком, на мгновение задумался. Похоже, общение с этим «паинькой», которого подсунула мать, обещало быть утомительным.

В то лето пятнадцатилетним казалось, что мир прозрачен и полон света. Не было мучительного выбора, не было сокрушительных ударов судьбы и тайных чувств, в которых страшно признаться самому себе. Они не симпатизировали друг другу, но и не испытывали вражды. Просто два незнакомца, случайно столкнувшихся в одной точке и поставивших друг на друга первые поверхностные клейма.

Господь любит создавать незаметные начала, чтобы в конце преподнести финал, которого никто не ждал.

Вскоре появился и третий жилец. Это был приятель Чэнь Лу — Ду Вэй. Шумный, бесцеремонный, он был точной копией «принца» в плане привычек: те же бренды, тот же надменный смех, то же полное взаимопонимание с полуслова. Им явно было хорошо вдвоем.

Илинь не жаловался на роль «уборщика» и старосты комнаты. Тем более что именно Чэнь Лу, сам того не зная, помог ему стать старостой всего класса. Во время выборов тот, уже ставший кумиром всей школы благодаря своей внешности, шутки ради ткнул длинным пальцем в его сторону и, ослепительно улыбувшись, бросил всего одно слово:

— Он.

Теперь у него была первая хорошая новость для мамы.

О плохих новостях — о том, что в столовой приходится брать самое дешевое, выполнять кучу чужой работы и ловить на себе подозрительные взгляды «избранных» из-за пропасти между его оценками и его счетом в банке — он не скажет.

Такие вещи волнуют только слабых. А в их маленьком доме, на другом конце телефонного провода, слабость была непозволительной роскошью.